

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

25 лет спустя: между советским прошлым и неясным евразийским и европейским будущим

25–27 ноября в Центрально-Европейском университете (Будапешт) прошла конференция: “25 лет спустя: между советским прошлым и неясным евразийским и европейским будущим” по итогам развития миграционных процессов на постсоветском пространстве и в пограничных с ним странах после распада СССР и социалистической системы в целом. В конференции участвовали более 60 экспертов из Румынии, Венгрии, Словакии, Чехии, Сербии, Литвы, Латвии, России, Украины, Молдовы, Казахстана, Таджикистана, Грузии, Армении, а также из Канады, Израиля, Великобритании, Италии и из Международного Красного Креста. Были представлены 40 докладов, содержание которых можно условно объединить в несколько взаимосвязанных тематических блоков:

- Проблемы миграции, связанные с глобальными и региональными процессами на всем постсоветском пространстве и в пограничных странах; в частности: региональные и мировые тенденции миграции, русскоязычные диаспоры в мире, диаспоризация в России и Казахстане (география, размеры, особенности статистического учета и типологизация).
- Миграционная политика и ее особенности в отдельно взятой стране или группе стран (Украине, России, Казахстане, странах Южного Кавказа, Балтии, ЕврАзЭС¹ в целом).
- Старые и вновь возникшие диаспоры после распада СССР в Канаде, Чехии, России, Израиле и странах Балтии.
- Интеграционные стратегии мигрантов из стран СНГ в России и проблемы мигрантов из постсоветских стран в дальнем зарубежье (реинтеграция или депортация).
- Миграционные процессы и миграционное законодательство в Украине в условиях внешней вооруженной агрессии, гуманитарная безопасность граждан Украины в оценках общественного мнения, их миграционные установки и планы.

Краткий обзор содержания докладов о развитии миграционных процессов на постсоциалистическом пространстве представляет наиболее содержательные заключения и выводы участников конференции.

После распада социалистической системы, включавшей республику СССР, страны Центральной Европы и бывшую Югославию, число стран на этой территории увеличилось с 9 в 1989-м до 29 в 2016 году (без учета 5 непризнанных государств). После падения “железного занавеса” и включения их населения в массовые глобальные миграционные процессы в структуре и конфигурации региональных миграционных потоков произошли радикальные изменения. Выяснилось, что население бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы оказалось одним из самых мобильных в мире. Из 215,8 млн международных мигрантов во всем мире в 2010 году суммарный контингент мигрантов из 29 стран бывшего социалистического лагеря составлял 44,6 млн человек, или 20,6% (Migration and Remittances Factbook, 2013).

¹ Евразийский Экономический Союз.

Два главных вектора миграционных потоков сохраняются неизменными после распада СССР.

- *Вектор: Юго-Восток — Запад.* Из всех 29 стран бывшего социалистического лагеря в течение 1990–2013 годов в страны Западного мира переселились около 20 млн человек, в том числе 4 млн из России, Молдовы, Беларуси и Украины и около 1 млн — из стран Балтии. Максимальное число граждан (около 5,8 млн человек) потеряли страны Центральной Европы — Польша, Венгрия, Словакия, Словения и Чехия, а также присоединившиеся к ним несколько позже Румыния, Болгария и Хорватия (около 5 млн человек) (International Monetary Fund, 2015). Это миграционное направление было представлено комбинацией разных типов потоков в различное время — как этнических репатриационных миграций, так и перемещений вынужденного характера либо связанных с массовой безработицей.
- *Вектор: Страны СНГ — Россия* — второе постоянное миграционное направление на постсоветском пространстве. Россия по-прежнему сохраняет статус страны, принимающей мигрантов — как переселенцев, так и трудовых мигрантов из стран СНГ. В течение 2002–2013 годов в Российскую Федерацию переселились 9,6 млн человек (99% из них — граждане стран СНГ). Из них 8 млн вновь прибывших уже получили российское гражданство.

В течение 25 лет в пространстве бывшего СССР причудливо сочетались все виды миграционных перемещений: репатриантов, вынужденно перемещенных лиц, беженцев и искателей убежища, трудовых циркулярных мигрантов, нелегальных мигрантов, студентов. В 2015 году суммарные контингенты граждан из других стран СНГ, проживающих в России, насчитывали 8,5 млн, из которых около трети составили украинцы. За ними следовали узбеки (21%) и таджики (10%). В России сегодня проживают почти 15% населения Таджикистана, Армении и Молдовы. Сегодня Российская Федерация входит в тройку стран с наибольшим количеством международных мигрантов в мире (Migration and Remittances Factbook, 2016). Заметим, что и Россия, и Украина входят одновременно в число 10 стран высокой эмиграции. Кроме того, обе эти страны вошли в 2010–2011 годах в десятку стран, из которых эмигрирует наиболее образованное население.

Репатриационная миграция поддерживалась и поддерживается программами возвращения, принятыми в Казахстане, Израиле, Германии, России, некоторых странах Балтии и Греции; законами о гражданстве, стимулирующими возвращение поляков, венгров, румын, болгар и русских на историческую родину; законами о реституции Чехии, Латвии и Эстонии. Такая миграционная политика способствовала возвращению большого количества населения из бывшего СССР на историческую Родину, с одной стороны, а с другой — созданию постсоветских русскоговорящих диаспор в странах Запада.

После распада СССР вынужденная миграция остается актуальной проблемой для стран постсоветского пространства вследствие этнических конфликтов и существования непризнанных государств в его пределах. Только в 1990-е годы количество беженцев и вынужденно перемещенных лиц внутри бывших социалистических стран составило более 50 млн человек (UNHCR database, 2010–2015). Аннексия Крыма и военное противостояние на Донбассе привели к появлению 1,7 млн перемещенных лиц внутри Украины (ИОМ, 2015) и более 1,3 млн человек, ищущих убежище в России и Беларуси, а также около 30 тыс. лиц — в странах ЕС (ФМС России, 2016; ФМС Белоруссии, 2016; Eurostat, 2015). Эти события сопоставимы в целом с миграционными потоками беженцев из арабских стран в ЕС с 2015 года, однако появление украинских искателей убежища на Западе остается сравнительно незаметным, так как основной поток беженцев направлен в сторону России.

Трудовая миграция — еще один вид миграции, формирующий потоки на постсоветском пространстве, и главный движущий фактор перемещения трудоспо-

собного населения из стран бывшего СНГ. Массовые потоки трудовых мигрантов направлены преимущественно в Российскую Федерацию (11 млн человек), а в последние годы — и в Казахстан (Migration and Remittances Facebook, 2016). Денежные переводы обеспечивают выживание членов их семей и смягчают последствия экономического кризиса в странах происхождения трудовых мигрантов. По данным Всемирного банка (WB, 2016), 5 из 15 стран бывшего СССР входят в список самых зависимых от денежных переводов экономик мира: в 2014 году участие только официальных денежных переводов трудовых мигрантов в формировании ВВП составляло в Таджикистане 41,7%; Киргизии — 30,3%; Молдове — 26,2%; Армении — 17,2% и Грузии — 12,0%. Если бы учитывались все трансферы, эта группа вероятно увеличилась бы и за счет других стран СНГ. Россия вместе со США и Саудовской Аравией составила в 2014 году тройку основных стран — источников денежных переводов по общему долларовому потоку.

Страны-доноры мигрантов в значительной степени зависят от денежных переводов из России, и недавний экономический спад в этой стране в сочетании с введением новых правил на рынке труда для стран-членов и стран-нечленов ЕврАзЭС отрицательно сказался на состоянии экономики РФ и стал причиной снижения потока трудовых мигрантов из ряда стран (в частности, Таджикистана и Узбекистана) в бывшую метрополию (WB, 2016).

Миграционные коридоры в пределах постсоветского пространства

На протяжении последних лет на территории стран бывшего СССР сформировались обширные миграционные коридоры. По данным Всемирного банка, суммарный оборот мигрантов между Российской Федерацией (РФ) и Украиной в 2013 году в обе стороны составлял более 6 млн человек, а между РФ и Казахстаном — около 5 млн человек, занимая по мощности валовой миграции второе и третье места в мире после США и Мексики (WB, 2016). Однако по данным агентства FRONTEx о количестве пересечений границ для въездов в ЕС в 2015 году польско-украинская граница пропустила 8,9 млн человек (25% всего потока в ЕС), финско-российская — 5,7 млн человек (16%) и польско-белорусская — 4,3 млн (12%). Таким образом, несмотря на увеличение числа границ, визовый режим со странами ЕС, а также ограничительную миграционную политику многих стран в части движения иностранной рабочей силы, все страны бывшего СССР и даже некоторые в Центральной и Восточной Европе все еще тесно связаны между собой миграционными потоками разной степени интенсивности, а в настоящее время — отчасти и с Западными странами.

Несмотря на общее прошлое стран СНГ, каждая из них переживает и адаптирует приобретенный миграционный опыт по-своему, а характеристики миграционных потоков существенно отличаются для Украины, Молдовы, Грузии и ряда других стран. Одновременно следует отметить некоторые общие черты, объединяющие их с глобальными миграционными процессами. Меняется гендерная структура миграционных потоков, происходит их феминизация, особенно это характерно для миграционных практик Украины, Молдовы и Киргизии: практически половина их участников — женщины. Часто это приводит к разрушению традиционных семейных связей, социальному сиротству. А для женщин из Центральной Азии (например, Таджикистана) участие в миграционных процессах — это возможность эмансипации и освобождения от патриархального контроля, хотя их реинтеграция по возвращении домой может усложняться в силу традиций обществ, к которым они принадлежат (СР¹: Kholmatova).

1 Conference Papers — список докладов участников конференции, приведенный в конце данного материала.

В странах приема мигрантов как в Западной Европе, так и в России и Казахстане увеличение контингентов трудовых мигрантов сопровождается их диаспоризацией. В ситуации их дискриминации на рынке труда и неравенства условий жизни наблюдается постепенное создание “закрытых” сообществ отдельных этнических групп, рост напряженности между ними и населением принимающего их социума (СР: Mukomel; Drobizheva).

В условиях современного экономического кризиса в принимающих странах СНГ, особенно России, также как и на Западе, мигранты создают видимость конкуренции за рабочие места в определенных сферах экономики. Нагрузка на транспорт, сферу услуг, образовательные учреждения вызывает рост ксенофобии среди коренного населения. Оценка масштабов эмиграции из стран СНГ и Центрально-Восточной Европы и их анализ во взаимосвязи с миграционными и социально-экономическими индикаторами показали прямую зависимость уровня их доходов от объемов замещающей миграции в странах Центральной Европы (International Monetary Fund, 2016). Уровень развития различных институтов и возможности трудоустройства являются ключевыми факторами притяжения в дополнение к размерам зарплаты и уровню доходов в целом. По данным ОЭСР, эмигранты — это более молодые и лучше образованные люди, чем местное население принимающих стран Центральной Европы (International Monetary Fund, 2016).

По мнению экспертов, отсутствие России в списке основных европейских стран, принимающих трудящихся-мигрантов, связано с большим количеством прибывающих туда сезонных работников. Однако по величине отправленных денежных переводов Россия входит в топ-пятерку стран Центральной и Восточной Европы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение основных стран по величине принятых трудящихся-мигрантов и отправленных из них денежных переводов, 1990–2012¹

Основные страны, принимающие трудящихся-мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы	Доля трудящихся-мигрантов в общем миграционном потоке принимающих стран, %	Основные страны отправки денежных переводов трудящимися-мигрантами семьям в странах Центральной и Восточной Европы	Доля денежных переводов, отправленных трудящимися-мигрантами семьям в странах Центральной и Восточной Европы, в общем потоке миграционных трансферов, %
Германия	41	Россия	14
Италия	11	Германия	9
США	9	США	8
Испания	8	Австрия	7
Австрия	4	Италия	6
Всего 5 стран	73	Всего 5 стран	44
Остальная Европа	21	Остальная Европа	39
Остальной мир	6	Остальной мир	17
Всего	100	Всего	100

В связи с массовой эмиграцией на Запад население Румынии, Болгарии, всех Балканских стран, Молдовы, Украины и стран Балтии сокращается быстрыми тем-

¹ Рассчитано по данным Международного валютного фонда, 2016 (IMF, 2016).

пами, что углубляет демографический кризис в этих странах, выражающийся в заметном уменьшении контингентов населения трудоспособного возраста, нарушении половозрастной структуры и увеличении демографической нагрузки на работающих жителей этих стран (СР: Horvat, Kiss; Geciene; Krisjane et. al.). Заметим еще раз, что эмиграция уже повлияла на дефицит квалифицированной рабочей силы в ряде стран Восточной и Центральной Европы с большим оттоком населения за рубеж (Балтийские страны, Словакия, Польша, Болгария и Хорватия) (International Monetary Fund, 2016). Уменьшая численность трудоспособного и квалифицированного населения в странах Восточной и Центральной Европы, эмиграция снижает рост ВВП и возможности выравнивания доходов их жителей.

В целом выезд из страны работников молодого возраста сопровождается ростом нагрузки непроизводительного населения на экономику страны и общество. Это, в свою очередь, увеличивает социальные издержки вследствие, с одной стороны, сокращения поступающих в бюджет налогов, а с другой — уменьшения финансовой поддержки пенсионного обеспечения и системы учреждений здравоохранения, траты на которые увеличились на 2,5% ВВП. Постарение населения особенно негативно повлияло на Балтийские страны. А для стран приема мигрантов появление на их рынках труда молодых работников оказывает благоприятное влияние на их развитие (International Monetary Fund, 2016).

В отличие от стабильных миграционных потоков, функционирующих в рамках *коридора Восток — Запад*, трудовая миграция из стран СНГ в Россию включает сезонную составляющую и характеризуется значительными по размерам денежными переводами в страны происхождения мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

**Трудящиеся-мигранты из стран СНГ в России
и их денежные переводы семьям¹**

Страны СНГ, из которых в Россию прибывают трудящиеся-мигранты	Доля трудящихся-мигрантов из стран СНГ, работающих в России, %	Страны СНГ, в которые трудящиеся-мигранты отправляют из России денежные переводы	Распределение стран СНГ по количеству денежных переводов, отправленных из России на родину, %
Таджикистан	16	Украина	31
Армения	14	Таджикистан	18
Молдова	14	Киргизия	14
Киргизия	12	Азербайджан	9
Узбекистан	9	Армения	7
Азербайджан	7	Молдова	6
Беларусь	6	Грузия ²	6
Украина	5	Беларусь	3
Казахстан	4	Казахстан	1
Грузия	1	Всего из СНГ	95
Туркменистан	1	Другие страны	5

¹ Рассчитано по данным ФМС РФ, World Bank. World Development Indicators and IMF staff calculations.

² Грузия не является членом СНГ. Данные по Туркменистану и Узбекистану по денежным переводам в РФ отсутствуют.

В 2000-е годы, и особенно после частичного преодоления последствий мирового финансового кризиса в конце этого десятилетия число иностранных граждан в России неуклонно росло и достигло пика в 2014-м — 11 млн человек (WB, 2016). Чистый миграционный приток иностранных граждан в Россию достиг 3,9 млн в 2009–2014 годах. Почти все они прибыли из стран СНГ. В 2014-м увеличился приток переселенцев с Донбасса. Обвал цен на нефть, начало экономического кризиса и военные действия в Восточной Украине, а также последовавшие после их начала экономические, финансовые и политические санкции вызвали снижение зарплат в России, соответственно упали и заработки трудовых мигрантов. В 2015-м началось возвращение на родину трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, за которым последовало снижение числа выданных разрешений на работу и лицензий, полученных иностранцами в течение 2015 года. Исключением в этом году была только Киргизия (СР: Abashin; Ivakhnyuk; Sadovskaya; Zaionchkovskaya).

Неравенство в доходах, обусловленное многими факторами, особенно заметно проявилось в южных (Центральная Азия и Кавказ) и северных странах СНГ (Россия и Казахстан). Оно формируется прежде всего различиями в величине заработной платы, социально-экономических условиях жизни и политических режимах в них. В 2014 году доход на душу населения по показателям покупательной способности ППС (income per capita in purchasing power parity — РРП) составлял в среднем \$ 24 710 в России (IMF, 2015). Одновременно в 2015 году заработал общий рынок труда для стран Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС). Разделение населения стран СНГ на граждан ЕврАзЭС и других стран значительно облегчило доступ на рынок труда России и Казахстана гражданам Беларуси, Армении и Киргизии, вошедших в ЕврАзЭС, и соответственно затруднило для прочих. Первые получили право претендовать на рабочие места в России без разрешения на работу и лицензий (патентов), без сдачи теста по языку, истории и законодательству в России; от них не требуется и подтверждение квалификации дипломов, а их налогообложение не отличается от норм, принятых для российских граждан (13% вместо 32%).

Граждане других стран должны покупать патенты после обязательной сдачи экзамена по русскому языку, истории, конституции и приобретения медицинской страховки. Цена патента колеблется от 7 до 20 тыс. рублей с ежемесячными выплатами. По мнению И.Ивахнюк (СР: Ivakhnyuk), у этой проблемы есть и обратная сторона: постоянный приток дешевой рабочей силы может способствовать консервации мигрантозависимой экономики с низкой оплатой труда и эксплуатацией мигрантов, а также росту нерегистрируемой миграции и развитию теневого рынка труда. Все это вместе взятое — неэффективная экономика вкупе с низкой оплатой труда, рост межэтнической напряженности и ряд других обстоятельств — может со временем привести к утрате Россией миграционной привлекательности и обострению отношений со странами-донорами мигрантов.

Поскольку миграционный коридор Юг — Север образует относительно низкоквалифицированная сезонная рабочая сила, то для трудовых мигрантов из третьих стран ужесточение требований на рынке труда часто оказывается непосильным бременем, стимулируя их возвращение на родину (в частности в Таджикистан и Узбекистан). Подобные миграционные стратегии уже имели место в период экономического кризиса 2008–2009 годов, когда многие трудовые мигранты из Центральной Азии и Молдовы возвращались на родину в ожидании лучших времен. Включение Киргизии в систему стран-членов ЕврАзЭС смягчило для нее ситуацию обвала рубля и экономического кризиса, и ее трудовые мигранты вернулись на российские рынки труда (СР: Arutiunova; Mukomel; Peshkova).

Вторая после Российской Федерации привлекательная для трудовых мигрантов страна — Казахстан, который в 2015-м перегнал Россию по величине ВВП в расчете на душу населения. Казахстан также принимает сезонных мигрантов с юга постсоветского пространства.

Несмотря на относительно динамичное развитие экономики Казахстана, его население настороженно воспринимает китайские экономические проекты, получившие развитие в пределах их страны. В ряде случаев это сопровождается протестными выступлениями местных жителей. В других республиках Средней Азии влияние Китая также растет с каждым годом, и принося большие инвестиционные проекты, и усиливая одновременно тревогу населения. Закрытый стиль жизни китайских диаспор, с одной стороны, и их экономическая экспансия — с другой, могут в будущем вызывать в странах Центральной Азии непредсказуемые последствия (СР: Sadovskaya).

Исследования экспертов свидетельствуют, что ужесточение миграционной политики и визового режима приводит, помимо прочего, к росту нелегальной миграции и нерегулируемой занятости. По мнению Е.Арутюновой (СР: Arutiunova), законов, регулирующих миграционные потоки, написано много и они достаточно жесткие, но выполняются плохо. С одной стороны, государству это выгодно — всегда есть за что привлечь мигрантов к ответу или выслать из страны. Патентная система разрешения на временную занятость работает, но и цена патента оказывается часто завышенной. Нередко нелегальная миграция рассматривается потенциальными работодателями как более эффективный и предпочтительный вариант, и они не оформляют необходимые документы.

С годами происходит процесс субрегионализации. Россия остается центром, привлекающим мигрантов, однако политические векторы разделяют страны бывшего СССР по их ориентации на ЕС и ЕврАзЭС. Ужесточение визового режима в Европейском Союзе, особенно в связи с наплывом беженцев из Сирии и стран Магриба, одновременно сопровождается его отменой для некоторых стран — Грузии, Молдовы и Украины. При этом желанная свобода передвижения в ЕС сопровождается большими ограничениями касательно легального доступа к его рынкам труда. По мнению экспертов, это неизбежно ведет к росту незаконной занятости мигрантов из бывших стран СНГ, как это наблюдалось в Российской Федерации в начале 2000-х годов в отношении трудовых мигрантов из тех же стран в связи с ужесточением порядка регистрации и доступа на рынок труда. Наличие в Грузии, Молдове и Украине территорий, не подконтрольных национальным правительствам, ведет к росту количества населения с двумя, тремя и более гражданствами, превращая приобретение гражданства в доходный бизнес, и сопровождается, соответственно, ростом незаконной миграции как в Европейском Союзе, так и в ЕврАзЭС.

Проблемы интеграции в принимающих сообществах

Эксперты отмечают, что в большинстве стран ЕС уже появились укоренившиеся украинские, молдавские, армянские, чеченские и другие диаспоры из стран бывшего СССР с развитой сетью транснациональных связей. Проблема интеграции мигрантов в принимающие сообщества остается ключевой как для стран их происхождения, так и для стран их въезда. Множество разнообразных докладов по данной теме посвящены этой проблематике (СР: Abashin; Arutiunova; Drobizheva; Ganchev). Отсутствие механизмов взаимозачета дипломов об образовании приводит к тому, что многие мигранты часто вынуждены работать не по специальности, занимаясь малоквалифицированным трудом и теряя профессиональный опыт, приобретенный в стране выезда. Нечто подобное происходит и в Израиле, где репатриационная политика является составляющей внешней политики государства, уделяющего большое внимание интеграции репатриантов. Доля переселившихся в Израиль после 1990 года мигрантов из стран бывшего СССР составляет 80% (или 15% всех трудовых ресурсов страны). Несмотря на продолжительные сроки получения нового гражданства, между переселенцами-выходцами из бывшего СССР, местным населением и выходцами из западных стран десятилетиями сохраняется разрыв в оплате труда. И объясняется он дискриминационным фактором. Анализ международной базы данных PIAAC, оценивающей компетенции взрослого населения большинства развитых стран (а также многих стран СНГ), показал, что с годами разрыв в

зарплате уменьшается, а карьерный успех мигрантов связан, как правило, не с личными качествами и умениями обследованных, а с их навыками в освоении новых технологий и профессиональным знанием иврита (СР: Kushnirovich).

Большинство докладчиков из стран СНГ отметили, что ожидания и надежды их населения на радикальное улучшение жизни не оправдались после экономического коллапса СССР. Становление национальной идентичности в переходный период сопровождалось ростом насилия во многих бывших республиках СССР, а некоторые из них (особенно южные) до сих пор находятся в ситуации экономической и политической перестройки, поскольку правящие в них элиты сохранили приверженность практикам коммунистического прошлого, что не может не сказываться на развитии этих стран¹.

Чем выше сплоченность принимающего сообщества, тем труднее идут процессы интеграции с обеих сторон. Чем больше опыта имеет принимающая сторона в поликультурном общении, тем ниже риск конфликтов. Отношение местного населения к вновь прибывшим формируется в зависимости от имиджа мигрантов и степени их “инаковости”. Отсутствие личных контактов и опыта общения населения региона и мигрантов в сочетании с низким социальным статусом и возможной нелегальной занятостью последних способствует возведению между ними барьеров и стереотипизации образа чужеземца-варвара у местного населения. Недружественный прием со стороны автохтонов может сильно влиять на снижение возможностей адаптации мигрантов (СР: Drobizheva)².

В числе основных индикаторов интеграционных намерений вновь прибывших в Российскую Федерацию мигрантов докладчики выделяют получение разрешения на временное проживание или российское гражданство, положительную оценку отношений с местным населением, межэтнические браки, переезд членов семьи в Россию, превращение временной миграции в постоянную (эмиграцию).

Докладчики чаще всего связывают причины миграции с оплатой труда и размерами денежных переводов семьям. Вместе с тем они анализировали: социальные отношения мигрантов и роль семейных и других сетей в формировании миграционных стратегий; факторы, изменяющие жизненные траектории мигрантов, что было отмечено в ряде докладов (СР: Abashin; Peshkova); влияние таких факторов на формирование жизненных планов, получение образования, матримониальное поведение и т.п. Изменение жизненных траекторий работающих за рубежом мигрантов сопровождается появлением новых форм миграции и формированием современных миграционных стратегий, в том числе интеграционных.

Жизненные траектории мигрантов объединяет базовый (основной) набор поворотных пунктов и событий, которые представлены рядом временных этапов: *краткосрочные* (поиск работы, жилья и оформление миграционных документов); *среднесрочные* (организация поездок мигранта на родину, иногда приезд членов семьи в гости, рождение детей, крупные покупки, такие как приобретение машины); *долгосрочные* (определение детей в школу, свадьбы, приобретение или строительство жилья); *финальные планы* (возвращение на родину или переселение) (СР: Peshkova).

Теоретизирование и методологические трудности

Представители экспертного и академического сообщества рассматривают миграцию как предопределенный, односторонне линейный и нарастающий процесс, переходящий в эмиграцию, и квалифицируют ее либо как *проблему, угрозу, риск и вы-*

¹ Olcott M. Tajikistan's difficult development path. — Washington, D.C., 2012; Olimova S., Baruah N., Kumar K. Report Migration and Development in Tajikistan — Emigration, Return and Diaspora. — Moscow, 2010.

² См. также: Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. — 2016. — № 55 (август).

зов, либо как *нормальный, естественный, имеющий свои плюсы процесс*. По мнению Храмовой, особенность миграционных процессов в России в целом заключается в том, что из страны эмигрируют, как правило, люди молодые, образованные и энергичные, а приезжают в основном малообразованные мигранты с Кавказа и из Средней Азии, принадлежащие к другому типу культуры.

В постсоветском случае также очевидна корреляция между массовыми миграциями, состоянием экономики разных стран, их демографическими показателями и миграционной политикой¹. В этих взглядах на миграцию и концепцию факторов их выталкивания-притяжения проявляется невнимание к *возвратной и циркулярной миграции, разным видам регулярной и транснациональной миграции, которые не вписываются в одностороннюю и линейную логику*. Динамика трудовой миграции из стран Центральной Азии (Киргизии, Таджикистана, Узбекистана) в Россию на протяжении последних десяти лет пережила два краткосрочного периода снижения числа мигрантов. Первое из них (по оценкам на 15%) произошло в 2008–2010 годах, когда российская экономика пережила крутой кризис, падение ВВП и рост доллара по отношению к рублю на 30%. В 2010–2014 годах рост экономики в РФ возобновился и вслед за ним выросла трудовая миграция из стран Центральной Азии, увеличив ее докризисный уровень. Второе снижение трудовой миграции произошло в 2014–2016 годах и, вероятно, будет продолжаться в последующие годы.

В условиях экономического кризиса в России изменения в структуре миграционных потоков в 2014–2016 годах также не были однонаправленными. Если число мигрантов из Армении, Беларуси, Казахстана и Украины выросло в целом на 1,4 млн человек (соответственно на 3%, 64%, 10% и 55%), то число прибывших из Таджикистана уменьшилось к началу 2016-го на 25%, а из Узбекистана — на 31%, достигнув в абсолютных значениях 1,1 млн суммарных потерь. Число мигрантов из Киргизии с 2014 по 2015 год сократилось на 6,5% (около 36 тыс. человек), однако после ее вступления в Евразийский Экономический Союз вновь возросло почти на 11%, превысив уровень 2014 года (СР: Abashin).

Почему же миграция в ряде случаев (в частности, из стран Центральной Азии) резко упала, а многие мигранты, работавшие ранее в России, покинули ее? По-видимому, это объясняется введением в действие ряда новелл в законы, регулирующие миграционные потоки. К их числу относятся нормы о пребывании в стране въезда без регистрации 90 из 180 дней, о запрете на въезд для тех, кто нарушил несколько раз административные правила, действовавшие в течение 3–5 лет, о некоторых ограничениях на работу в отдельных сферах экономики; о расширении полицейской практики депортации и выдворения иностранных граждан. Всего в 2013–2015 годах запрет на въезд получили 1,6 млн иностранных граждан, из которых 340 тыс. были выдворены или депортированы (ФМС, 2013; МВД, 2016).

Кроме того, существенное влияние на динамику миграционных потоков, направленных в Россию извне, оказал экономический кризис, который начался в 2014 году и привел к сокращению числа рабочих мест, но самое главное — к почти двукратному падению рубля относительно доллара, основной валюты для денежных переводов мигрантов. В 2015 году была введена единая патентная система для безвизовых стран с ежегодной разовой оплатой всех процедур (в Москве около 20 тыс. рублей) и обязательной ежемесячной платой (в Москве — 44–46 тыс. руб. в год). Граждане Киргизии, вступившей в ЕврАзЭС, получили возможность работать без патента, что привело к росту числа трудящихся-мигрантов в России несмотря на сокращение их общих доходов. Скорее всего, в данном случае имела место быстрая адаптация работающих за пределами собственной страны людей к снижению доходов, если они все же выше заработков дома. В последние годы исследователи фиксируют феномен расширения географии миграции за пределами постсоветского мира, которое становится альтер-

¹ Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. — 2016. — № 55 (август).

нативой миграции в Россию и Казахстан. В целом имеет место некоторое сокращение числа мигрантов из стран Центральной Азии. Это связано с тем, что значительный контингент мигрантов уже вернулся домой, а затем они уже не смогли либо посчитали невыгодным/ненужным снова уезжать в Россию¹.

Если классифицировать модели возвращения мигрантов домой, то доминирующие практики выглядят, согласно наблюдениям и интервью, следующим образом:

- Регулярные поездки мигрантов домой с последующим возвращением в Россию. Это поездки в своеобразный отпуск на несколько недель, когда возвращение в свою страну не рассматривается в качестве окончания миграции².
- Нерегулярные и редкие посещения своей страны (реже чем раз в год), со скорым возвращением на территорию России³.
- Миграция, связанная с ротацией мигрантов, когда вернувшегося домой отца или старшего брата сменяет на том же месте сын или младший брат (подобная практика особенно характерна для мигрантов в Центральной Азии).
- Собственно окончательное возвращение. По мнению Гмелча, люди могут возвращаться как по заранее намеченному плану, решив свои задачи, так и незапланированно⁴.

Все четыре модели в реальности тесно взаимосвязаны, а линейная и циклическая логики все время сменяют друг друга, либо осуществляются параллельно. Такая гибкая система планирования и поведения, когда мигранты мгновенно принимают новые решения и перестраивают свои планы, была отмечена Бреттелем⁵. Центральная Азия в мигрантских нарративах по-прежнему занимает ключевое место: в них постоянно присутствуют дом и родина, обсуждаются свои заботы и отношения, строятся планы когда-нибудь вернуться туда. Мечта о возвращении, пусть потом, не сейчас, наполняет смыслом жизнь мигранта, примиряет с испытаниями и унижениями, обещает тепло семейного очага.

Постоянная готовность к возвращению домой сопровождается одновременно готовностью к депортации. В последние два года основным условием получения права на проживание и работу для граждан Узбекистана и Таджикистана было приобретение патента. Готовность к возвращению выражается не только в воспроизводстве мифа о возвращении, но и в организации мигрантами своей повседневной жизни как временной и ненастоящей. Для нее характерны минимализм и аскетизм в приобретении одежды и других бытовых вещей, частая смена мест проживания и их минимальное обустройство, открытость для посторонних, экономия на всем, что могло бы заставить человека укореняться в новом пространстве. Затрата сил и вложение средств в поддержание отношений с родственниками на расстоянии заставляет мигранта все время думать о необходимости воссоединения семьи. Миф о возвращении сменяется мифом о повторной миграции.

Другие постсоветские страны

Доклады исследователей из Балтийских стран касались различных аспектов межнациональных отношений и миграции. Так, в одном из докладов (СР: Nurse)

¹ Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. — 2016. — № 55 (август).

² Мукомель В. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия формирующаяся. — Вып. 11 / Под ред. М. Горшкова. — М., 2012.

³ Там же.

⁴ Gmelch G. Return Migration // Annual Review of Anthropology. — 1980. — Vol. 9.

⁵ Brettel C. Return Migration, Transmigration, and Transnationalism // Anthropology and Migration: Essays on Transnationalism, Ethnicity, and Identity / Ed. by C. Brettel. — S.L.: 2003.

рассматривалось формирование новых диаспор из этнических меньшинств, проживавших в прибалтийских республиках до распада СССР. Уже в начале 2000-х они были вынуждены определять и отстаивать свою культурную, этническую и национальную принадлежность в трудных условиях строительства новых национальных государств. В этом исследовании обнаружилось, что проживающие вдоль новых границ Европейского Союза этнические меньшинства являются скорее квазидиаспоральными, нежели мигрантскими или чисто диаспоральными, поскольку были созданы не столько перемещением людей, сколько перемещением границ. Применение биографического метода исследования позволило изучить динамику этнической самоидентификации, представления о “другом”, отношения между “меньшинством” и “большинством”.

В исследовании, посвященном изучению молодежной миграции в Латвии (СР: Krisjane et al.), анализируется феномен молодежной циркулярной миграции. После вступления Латвии в Европейский Союз в 2004 году и, в частности, после кризиса 2009–2012 годов поток молодежи, уехавшей в Западную Европу в поисках заработка и стабильной жизни, постоянно возрастал. Использование комбинированных данных и глубинных интервью обеспечило обследование вернувшихся в Латвию молодых людей, находившихся не менее полугода за рубежом. Ностальгия по дому, родным и близким является сильным фактором, который может повлиять на решение молодежи о возвращении. При этом использование их опыта работы за рубежом должно принести большую пользу, особенно в регионах, где перспективы развития весьма проблематичны.

Это подтверждает и опыт Литвы, потерявшей за 25 лет независимости треть своего населения. Это самый высокий показатель эмиграции в Европе (СР: Geciene). Отток молодежи за пределы страны сопровождается значительным сокращением контингентов рабочей силы, утечкой мозгов и старением оставшегося в Литве населения. Выход из сложившейся ситуации автор доклада видит в привлечении в страну диаспоры, особенно успешных и высококвалифицированных кадров, в создании предпосылок всестороннего развития собственной страны — расширении и укреплении сферы занятости, привлечении инвестиций, трансферах технологий, укреплении базовых демократических принципов, обеспечении культурных контактов. В таких условиях знания и навыки диаспоры оказываются важнее, чем финансовые переводы. Исследование, проведенное на основе 512 интернет-опросов и 42 глубинных интервью, показало, что *основными факторами, влияющими на развитие связей с родной, служат продолжительность пребывания за границей, степень ассоциированности с родной страной и уровень интеграции в принимающее сообщество.*

В Украине мы находим все многообразие существующих типов миграции: трудовую, вынужденную (беженцы и временно перемещенные лица), транзитную и нелегальную, внутреннюю и транснациональную (СР: Prybytkova; Poznyak). Временная трудовая миграция постепенно трансформируется в эмиграцию с переселением семей и детей в страны Запада. А приграничная миграция имеет характер сезонной и краткосрочной занятости. В странах Западной и Южной Европы трудовая миграция приобретает характер длительной и легко переходит в постоянную. Для таких мигрантов возвращение в Украину маловероятно. Однако так поступают не все. Те, кто возвращается, уже обладают новыми навыками, прониклись “духом демократических возможностей” и теоретически могут изменить жизнь страны к лучшему.

В докладе И. Прибытковой (СР: Prybytkova) отмечен растущий интерес украинцев к выезду за рубеж: к 2016 году доля эвентуальных эмигрантов достигла 29,8%. При этом интерес к выезду в Россию в последние несколько лет последовательно сокращается, так же как и намерения уехать в любую другую страну/республику постсоветского пространства. В 2016 году уже 15% украинцев имели опыт работы за рубежом. Каждый четвертый работающий (24,8%) хочет сменить место проживания. Почти 38,0% работавших за границей временно готовы повторить еще раз выезд на

работу за рубежом в текущем году. Европейские рынки труда еще долгое время останутся привлекательными для украинских трудовых мигрантов, несмотря на расширение географии их поездок. Поэтому задача совершенствования миграционной политики в Украине по-прежнему является актуальной и должна быть нацелена на максимальную помощь в поисках работы безработным украинцам, защиту прав мигрантов, повышение уровня их информированности.

Следует отметить и доклад М.Николко, посвященный особенностям формирования коллективной памяти в старых украинских диаспорах в Канаде. В дискурсе канадских украинцев в послевоенное время преобладала идея общей травмы и комплекса жертвы; обсуждение фокусировалось на темах Голодомора в Советской Украине 1932–1933 годов, сталинских репрессиях и массовых нарушениях прав человека. Однако в последнее время появились расхождения между старыми и новыми дискурсами, поскольку обсуждение старых проблем мало что дает для понимания современных структурных проблем украинского общества (СР: Nikolko).

Conference papers (Budapest, 2016)

Mukomel V. The Ukrainian forced migration to Russia, 2014–2015: discourses and perceptions of the local population.

Abashin S. Labor migrants: Crisis, Deportations, and return home.

Arutiunova E. Problems of adaptation of temporary labor migrants from Central Asia in rural areas of the Russian South.

Cojocararu O. “Not as bad as in Siberia”: Pioneer Migration Trajectories of Moldovans in Italy.

Drobizeva L. Ethnic Russians and others in the Russian Federation: attitudes towards migrants.

Ganchev A. Seasonal labor migrations from Ukraine to Finland: the actors of migration ‘service’.

Gečienė I. Diaspora potential to contribute for home country development: Lithuanian case.

Ivakhnyuk I. The impact of the Russian migration policy on human mobility trends and patterns in the post-Soviet Eurasia.

Horvat I., Kiss T. Depopulating semi-periphery? Longer term dynamics of migration and socio-economic development in Romania.

Kholmatova N. Changing Face of Labor Migration? Feminization of Labor Migration from Tajikistan to Russia.

Krisjane Z., Apsite-Berina E., Berzins M., Sechi G., Krumins J. Challenges of youth migration: lessons from Latvia.

Kushnirovich N. Economic integration of FSU immigrants in Israel.

Nikolko M. Political Narratives of Trauma and Victimisation Among Contemporary Ukrainian-Canadian Diaspora.

Nurse L. Ethnic minorities in the Baltic states: a “bottom up” perspective on the political and cultural changes since 1990-s.

Poznyak O. Transformation of Population Migration in Ukraine after the Collapse of the Soviet Union.

Pribytkova I. The Postsoviet mobility transition in Ukraine: the changing trends and patterns of human migration.

Peshkova V. Migration Plans: Narratives and Practices of Labor Migrants from Central Asia in Russia.

Sadovskaya E. Changing contours of the Central Asian sub-regional migration system and its shift eastward to China in the 21st century (case study of Kazakhstan).

*ИРИНА МОЛОДИКОВА, РУБЕН МНАЦКАНЯН,
сотрудники Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)*